

Цзянь Сэнь с готовностью согласился и, прижимая к груди сына, самостоятельно направился в больницу.

В детской больнице всегда было не протолкнуться, но Цзянь Сэнь записался заранее, поэтому, растолкав толпу, уверенно зашагал в привычном направлении.

Гу И неотступно следовал за ним: в одной руке он держал сумку, а другой прикрывал отца с сыном, до смерти боясь, что кто-нибудь из прохожих случайно заденет их в давке.

Зай-зай к этому моменту уже немного успокоился. Устроившись на плече у Цзянь Сэня, он с любопытством разглядывал незнакомого дядю, шагающего следом за папой.

Он только что плакал, глазки у него покраснели, реснички дрожали, а в глазах стояли слезы — ну вылитый маленький крольчонок, который от любого шороха готов испуганно спрятаться отцу в шею.

У Гу И от этого зрелища сердце переполнилось отцовской нежностью, и он, опустив голову, улыбнулся малышу.

Зай-зай смущенно уткнулся лицом в плечо Цзянь Сэня, но через секунду снова осторожно приподнял голову, чуть приоткрыл рот и робко выдохнул: «Дядя».

Цзянь Сэнь аж вздрогнул, резко обернулся и злобно зыркнул на Гу И: «Не смей больше идти за нами!»

Какая же все-таки сучья вещь — эта кровная связь! Зай-зай обычно дичился людей, наотрез отказывался идти на контакт, и даже когда они заглядывали домой к дедушке, боялся подойти к нему близко. А тут взял и сам первым поздоровался с Гу И.

Цзянь Сэню стало одновременно горько и обидно. К черту эту кровную связь! Он, вырастивший сына за последние два года, оказался хуже какого-то... тьфу, бросившего жену... то есть, бросившего мужа и ребенка ублюдка.

Когда доктор Чу измерил Зай-Заю температуру, выяснилось, что, как и всегда в таких случаях, придется делать укол.

Стоило Зай-Заю услышать про укол, как он скривил губки и ревмя зашелся плачем.

— Не хочу! Папа обманул меня! — На этот раз его сопротивление было на редкость яростным, он заерзал на коленях у Цзянь Сэня, пытаясь спрыгнуть вниз.

Боясь, что малыш упадет на пол, Цзянь Сэню пришлось отпустить его, и он мягко, ласково

уговорил: «Малыш, укол нужен, чтобы поскорее поправиться. Давай побудем послушными, хорошо?»

— Не хочу, не хочу! Папа обманул меня!

Зай-зай отчаянно затряс головой и вдруг бросился к стоявшему рядом Гу И, крепко обхватил его за бедро и, запрокинув заплаканное личико, умоляюще посмотрел на него: «Дядя, Зай-зай не хочет делать укол, спаси меня...»

У Гу И сердце зашлось от жалости, а у Цзянь Сэня дернулся угол рта.

Этот мелкий паршивец не унаследовал ничего хорошего, зато все дурацкие привычки своего папаши-ублюдка — вечно капризничать да строить глазки — впитал на ура!

Не дождавшись от Гу И никакой реакции, Зай-зай украдкой оглянулся на папу и от страха снова уткнулся лицом в штанину Гу И.

Выражение лица Цзянь Сэня было трудно назвать нормальным — он лишь холодно уставился на Гу И, предупреждая взглядом: только попробуй тронуть хоть один волосок на теле моего сына, пожалеешь!

— Папа такой страшный... — Зай-зай, никогда прежде не видевший папу в таком гневе, обиженно вцепился в штанину Гу И. — Дядя, спаси меня, больно... Я не хочу укол...

Гу И перевел взгляд с Зай-Зая на Цзянь Сэня, находившегося на грани нервного срыва, быстро прикинул шансы остаться в живых, после чего присел на корточки, взял маленькую ручку мальчика и мягко проворковал: «Сокровище, если заболел, надо делать укол. Наш малыш ведь послушный, правда? Давай не будем расстраивать папу, хорошо?»

Услышав, как тот уговаривает сына, Цзянь Сэнь остолбенел.

— Но... но больно же... — Зай-зай беспомощно поднял голову, его личико сморщилось, а ручки растерянно замахали в воздухе, пытаясь показать Гу И, как сильно ему больно.

Гу И погладил его по голове: «Тогда дядя подержит тебя на ручках, и если будет больно, можешь укунить дядю за руку, идет?»

Зай-зай серьезно задумался, захлопал большими глазами и спросил: «А дяде не будет больно-больно?»

Цзянь Сэнь подал голос: «Ни в коем случае, я запрещаю!»

Младший брат Сэнь, а ты еще тот задира!

Очевидно же, что это его собственный сын, так почему же стоило Гу И появиться, как ребенок испугался его самого?!

Цзянь Сэню было обидно до глубины души, и он уже шагнул вперед, намереваясь забрать сына.

Зай-зай с испуганным воплем вцепился в штаны Гу И и горько зарыдал: «Папа вредина! Не люблю тебя!»

Цзянь Сэнь нахмурился: «Это когда я тебя обманывал?»

— Не буду делать укол! Папа обманул меня! Большой лжец! Не люблю!

Они же договаривались, что укола не будет, а теперь папа опять его обманывает, как это жестоко!

Зай-Заю было обидно и досадно, слезы градом катились из глаз, носик шмыгал — малыш чувствовал себя невероятно несчастным.

— Значит, папа был неправ, папа извиняется. Иди сюда, папа поговорит с доктором.

Цзянь Сэню и самому было тошно: мало того, что любимый сын вдруг возненавидел его, так ведь раньше, как бы ни боялся, он все равно послушно давал ставить уколы. А сегодня, стоило встретить Гу И, как растерял всю свою прежнюю храбрость, превратившись в трусишку-плаксу.

Вспомнив трусливый характер Гу И, от которого вечно одни проблемы, Цзянь Сэнь мгновенно помрачнел и переложил всю вину на него.

Во всем виноват Гу И! Если бы сам Гу И не был трусом, с чего бы сыну перенимать эту дурную черту?!

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился. Тыча пальцем в сторону Гу И, он пригрозил: «Отпусти его! Кто разрешил тебе его трогать?»

— Братец Сэнь, братец Сэнь, давай ты сначала успокоишься! — Заметив, что Цзянь Сэнь явно намерен набить ему морду, Гу И поспешно заслонил собой Зай-Зая, и они вдвоем задрожали под столом.

— Цзянь Мяо, я считаю до трех. — Цзянь Сэнь любил сына до безумия, но в вопросах воспитания оставался строг. — Чему папа тебя учил?

Зай-зай боязно оглянулся и, заметив папин взгляд, тут же пустил слезу. Боясь разозлить отца еще сильнее, он пухлой ручшкой утер слезы и всхлипывая ответил: «Не... нельзя капризничать и баловаться...»

— И что же ты сейчас делаешь?

— У-у...

Зай-зай не понимал, почему папа злится, он лишь чувствовал себя несчастным, а папа вместо утешения еще и отчитывает его. Малыш снова уткнулся в грудь Гу И и, горько плача, пожаловался: «Папа ругается...»

— Малыш, не плачь, дядя здесь. — Смертельно боясь, что Цзянь Сэнь воспользуется моментом и врежет ему, Гу И с замирающим сердцем гладил Зай-Зая по голове, успокаивая его. Дождавшись, пока мальчик немного утихнет, он поднял взгляд на недоброжелательно настроенного Цзянь Сэня: — Братец Сэнь, давай мы сначала оба успокоимся.

Цзянь Сэнь так сжал зубы, что те заскрежетали: «Не смей обнимать моего сына!»

— М-м... — Зай-зай выплакался, и его тельце снова запылало жаром. Он вцепился в одежду Гу И и принялся тереться лбом о его грудь: «Дядя, мне плохо...»

Ощув ладонью жар маленького тела, Гу И встревоженно нахмурился: «Братец Сэнь, ты его пугаешь, ребенок все еще в лихорадке».

Услышав это, Цзянь Сэнь заметил, что лицо Зай-Зая покраснелось, а глаза потеряли фокус — состояние было куда хуже, чем когда они только вошли.

Охваченный паникой, он подался вперед, пытаясь успокоить сына, но Зай-Зай лишь отвернулся, избегая его.

Цзянь Сэнь ничего на свете не боялся так сильно, как того, что сын уйдет к Гу И.

— Зай-зай, это папа виноват, давай папа тебя осмотрит, хорошо? — Забыв о Гу И, он опустился на колени прямо перед ним и ласково заискивающе попросил прощения у сына, сидевшего на руках у другого мужчины.

Заметив его тревогу, Гу И мысленно вздохнул и только протянул руку, чтобы коснуться головы Цзянь Сэня, как тот подпрыгнул на месте, как ошпаренный.

— Не трогай меня!

— У-ва-а-а!

Из-за резкого окрика Зай-Зай испуганно вздрогнул и снова заплакал.

Гу И поспешно принялся укачивать малыша на руках, недовольно хмурясь:

— Братец Сэнь, возьми себя в руки.

Как тут возьмешь себя в руки, когда у тебя пытаются увести сына!

Цзянь Сэнь уже протянул руки, намереваясь отобрать ребенка, но доктор Чу вовремя удержал его за плечо.

Доктор покачал головой, предостерегая: «Не пугай ребенка, он сейчас и так напуган до предела».

— Я... — Цзянь Сэнь вовсе не хотел пугать сына, но стоило ему увидеть Гу И, как вспыльчивый характер тут же выходил из-под контроля.

— Выйди-ка на время коридор. — Доктор Чу толкнул его к двери и без лишних слов захлопнул ее прямо перед его носом.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезав его от сына, и тревога в душе Цзянь Сэня вмиг разрослась до невероятных масштабов.

Он ведь не то чтобы совсем не думал о том, что однажды Гу И может столкнуться с ребенком лицом к лицу. Он был уверен в себе, считая, что раз сам растил сына в одиночку, вкладывая все силы, то как бы ни повернулись дела, Гу И не сможет переманить мальчика на свою сторону.

Но теперь... в этом он уже не был так уверен.

Через стеклянную вставку в двери он видел, как его сын послушно свернулся калачиком на руках у Гу И, очевидно видя в том единственную опору, а тот с нежностью на лице продолжал уговорами уговаривать мальчика на укол.

В груди Цзянь Сэня словно застрял ком ваты, стало тяжело дышать.

Уговорив Зай-Зая сделать укол, Гу И одел его, натянул шапочку и, заметив, что малыш все еще всхлипывает, аккуратно стер слезы с его щеки и предложил: «Малыш, давай выйдем и сразу извинимся перед папой, хорошо?»

Зай-Зай яростно затряс головой: «Папа ругался...»

Гу И терпеливо убеждал его: «Зай-Зай, тебе ведь было очень плохо, когда ты болел? Папа просто хотел, чтобы ты побыстрее выздоровел».

Зай-зай подумал и нашел это логичным. Кивнув, он, видимо, всё еще тая обиду, добавил: «Но папа ругался...»

— Папа ругался, потому что ты не хотел делать укол, — умело направлял его Гу И. — Если бы ты не сделал укол, тебе бы и дальше было плохо, а когда тебе плохо, папа переживает еще сильнее.

— Папа обманул меня! — с возмущением выпалил Зай-зай, яростно взмахивая ручками, и запинаясь выдал: — Обещал, что не будет укола, а потом заставил делать! Папа вредина!

— Плохой здесь дядя. — Гу И указал на дверь. — Смотри, папа все еще ждет снаружи, а укол тебе делал я, держал на ручках тоже я.

Какой двухлетний малыш способен разобраться во взрослых манипуляциях? Зай-Зая тут же провели вокруг пальца, и он растерянно хлопал глазами.

Доктор Чу больше не мог на это смотреть: «Заткнись и вали отсюда! К чему сейчас этот театр? Где ты был три года назад?!»

Он ни на секунду не верил в доброту Гу И. Будь тот хорошим человеком, разве бросил бы Цзянь Сэнь три года назад? Если бы сам доктор Чу тогда случайно не оказался по делам в Нью-Йорке, Цзянь Сэнь, пожалуй, и вовсе мог потерять этого ребенка.

Тогда доктор Чу поклялся себе, что в жизни больше не свяжется с подонками!

Гу И прищурил глаза, его взгляд потемнел: «Доктор Чу, вы так хорошо осведомлены о жизни братца Сэня?»

Доктор Чу не пожелал продолжать разговор: «Уходи, у меня еще пациенты». Заметив, что тот прячет взгляд, Гу И всё сразу понял и с опаской заговорил:

— Ты ведь и в самом деле кое-что знаешь.

— Он тогда чуть не умер. — Доктор Чу швырнул медицинскую карту Цзянь Мяо на стол, прерывая его резким стуком, и заговорил ледяным тоном.

Сердце Гу И словно кто-то сжался в кулак — боль была такой сильной, что стало нечем дышать.

— Если у тебя осталась хоть капля совести, убирайся куда подальше и больше не калечь его жизнь. — Доктор Чу указал на Зай-зая. — И тебе лучше даже не думать о том, чтобы подступиться к Цзянь Мяо.

— Я не уйду.

Твердо произнес Гу И.

Возвращаясь в этот раз, он и не помышлял о том, чтобы сдаваться.

Поскольку Доктор Чу был посторонним человеком и не мог вмешиваться в чужие дела, он лишь холодно фыркнул и попросил гостя на выход.

Выйдя из кабинета с Зай-заем на руках, Гу И столкнулся с подошедшим Цзянь Сэнем, который сразу же извинился перед сыном:

— Зай-зай, папа был неправ.

Зай-зай моргнул, протянул ручки к Цзянь Сэню, чмокнул папу в щеку и, набравшись смелости, захныкал:

— Папа, попка болит...

Цзянь Сэнь тут же подхватил его:

— Давай папа посмотрит.

Зай-зай покраснел и застенчиво закрыл ладошками попу:

— Стыдно, папа не смотри...

Гу И не удержался и рассмеялся:

— А может, дядя посмотрит?

— Бессовестный дядя! — В кабинете Зай-зай позволил себя перехитрить, но, стоило им выйти за дверь, как он тут же сменил гнев на милость и, спрятавшись в объятиях Цзянь Сэня, принялся жаловаться: — Папа, этот дядя такой плохой, обманул Зай-зая, заставил делать укол!

Цзянь Сэнь тут же подхватил эту волну, очерняя Гу И:

— Верно, он плохой человек, давай не будем с ним играть.

С этими словами он попытался побыстрее унести ноги вместе с сыном.

Гу И мгновенно схватил его за руку:

— Сэнь-гэ, а ты у нас озорник.

Торез прозвучал с такой неестественной нежностью, что сторонний наблюдатель мог бы подумать, будто они — молодая парочка, которая мило воркует друг с другом.

У Цзянь Сэня по коже побежали мурашки — быть парочкой с Гу И? Да упаси боже, какое отвращение!

Задумав недоброе, Гу И закатал рукав, демонстрируя след от зубов на предплечье, и принялся преувеличенно и фальшиво реветь:

— Зай-зай такой жестокий, укусил дядю, да еще и говорит, что дядя плохой. У дяди ручка болит, у-у-у...

Цзянь Сэнь: «.....»

С каких это пор Гу И стал таким мастером драмы!

Зай-зай уже успел усвоить, что любые дороги ведут в ловушку Гу И. Наклонив голову и сморщив носик, он пояснил Цзянь Сэню:

— Папа, укол — это больно, и у дяди тоже болит.

И пусть бы он вообще сдох от боли!

Цзянь Сэнь по-настоящему испугался, что сына вот так легко могут увести:

— Зай-зай, давай не будем водиться со странными дядями.

Гу И захныкал:

— Сэнь-гэ, ты тоже ужасно жесток! Я вовсе не странный дядя, я папа Зай-зая!

Цзянь Сэнь помрачнел:

— Заткнись! Не позорься!

Услышав слова Гу И, Зай-зай на мгновение растерялся, а затем вытянул шейку и возразил:

— У меня есть папа, а ты мне вовсе не папа!

Вот чёрт!

Цзянь Сэнь похолодел внутри. Он вовсе не хотел, чтобы Зай-зай узнал о существовании другого отца, а этот сорванец Гу И болтал всё подряд, совершенно не фильтруя базар!

Больше не смея ввязываться в перепалки с Гу И, он подхватил сына на руки и быстрым шагом направился к выходу.

— Сэнь-гэ, тебе не обязательно так от меня защищаться.

Сбросив шуточный тон, Гу И неотступно следовал за ним, нахмурившись и вздыхая.

Цзянь Сэнь поджал губы и ничего не ответил.

Тому ничего не оставалось, как перехватить его за запястье:

— Садитесь в машину, я вас подброшу.

— Не нужно.

Цзянь Сэнь опасался, что если они продолжат этот балаган, он не сможет гарантировать, что сын в итоге останется только его.

Не спрашивая его мнения, Гу И силой затолкал обоих в салон, доведя Цзянь Сэня до белого каления:

— Ах ты сорванец, шкура зудит, да?!

— Папа ругается... — Зай-зай совершенно не понимал, почему папа сегодня так часто злится, и, обвив ручонками его шею, принялся тихонько утешать: — Папа, не сердись, Зай-зай тебя обнимет, только не злись...

Сердце Цзянь Сэня тут же растаяло.

Спрятав эмоции, он заставил себя успокоиться и бросил через плечо Гу И, уже устроившемуся на водительском месте и заблокировавшему двери:

— Открой дверь, мне нужно выйти.

Оба уже взрослые люди, и если что-то прояснено до конца, значит, с этим покончено.

Не говоря уже о том, что они с Гу И давным-давно в прошлом.

И речи не могло быть о том, чтобы Гу И снова начал ухаживать за ним или о каком-то воссоединении. Ему претила сама мысль о сопливой романтике, он мечтал лишь разбогатеть и забраться на вершину жизни, а тратить время на Гу И у него не было ни малейшего желания.

— Зай-зай, дядя отвезет тебя домой.

Гу И пропустил его слова мимо ушей и спокойно надавил на газ.

Цзянь Сэнь едва не подскочил от гнева.

Но раз уж машина тронулась, не выпрыгивать же на ходу с ребенком на руках, так что оставалось только смириться.

Больше никто из них не произнес ни слова, а вскоре и Зай-зай сладко заснул. В салоне воцарилась зловещая тишина.

Чтобы разрядить обстановку, Гу И включил успокаивающую музыку.

В полуденный час конца лета и начала осени людей всегда клонит в сон.

Цзянь Сэню приходилось частенько подниматься по ночам к Зай-заю, сон у него был чутким, а просыпаться приходилось рано, так что выспаться толком не удавалось уже давно. Под убаюкивающие звуки музыки он и сам постепенно начал клевать носом.

Заметив, что Цзянь Сэнь склонил голову и уснул на пассажирском сиденье, Гу И припарковался у обочины и вызвал через приложение водителя для перегона.

Затем он чуть опустил спинку кресла и бережно перехватил Зай-зая, чтобы Цзянь Сэню было удобнее спать.

В течение всего этого времени Цзянь Сэнь даже не шелохнулся — судя по всему, он вымотался до предела.

В салоне работал прохладный кондиционер, и Гу И набросил на Цзянь Сэня свою куртку,

принявшись внимательно разглядывать его лицо.

Мужчина был всё так же хорош собой, как и три года назад, разве что немного похудел, а под глазами залегли едва заметные тени — сразу видно, недосыпает.

Переведя взгляд на прижавшегося к нему Зай-зая, он заметил, что брови и разрезы глаз у малыша практически неотличимы от цзяньсэньских, а вот переносица и губы достались от него самого; впрочем, в целом эта смесь не слишком напоминала кого-то одного.

Как жаль, подумал Гу И, протягивая руку и убирая прядь волос за ухо Цзянь Сэня.

Во сне мужчина сбросил всю защиту: его длинные, густые ресницы под лучами солнца отбрасывали мягкое, теплое сияние, а черты лица казались куда более мягкими.

До чего же красив, вот только характер чересчур жесткий и упрямый. Гу И абсолютно не умел сопротивляться этому лицу, и его пальцы слегка подрагивали, когда он едва касался кожи Цзянь Сэня.

Прошло три года, и он наконец-то снова увидел Цзянь Сэня.

Никто не знал, через какой ад он прошел за эти три года. Когда он, уступив требованию Гу Яньхэ, уехал за границу на учебу и оборвал все связи с Цзянь Сэнем, тот прислал ему видеоролики, о которых говорил.

Вот только эти видео не представляли собой никакой угрозы — самые обычные повседневные записи.

Гу Яньхэ просто обманул его.

Когда он поднял бунт, требуя вернуться на родину и объясниться с Цзянь Сэнем, Гу Яньхэ перекрыл ему все финансовые потоки, бросив в незнакомой чужой стране.

Сразу после оплаты учебы у него почти не осталось денег, временами приходилось голодать и ночевать на улице.

При одной лишь мысли об этом глаза Гу И слегка покраснели, и он глубоко вздохнул, стараясь подавить бушующие внутри эмоции.

К счастью, к счастью он выжил и вернулся, и теперь снова видит Сэнь-гэ, по которому тосковал каждую секунду.

Пусть их встреча и началась с небольших трений, это ничему не мешало: вернувшись, он подготовился по всем фронтам.

На этот раз он не позволит Гу Яньхэ творить всё, что тому вздумается, и уж точно не отпустит Цзянь Сэня.

Вероятно, от того, что его щеки касались слишком настойчиво, Цзянь Сэнь перехватил его запястье и пробормотал во сне:

— Зайчик... умница, папа так устал...

Гу И усмехнулся, и взгляд его мгновенно потеплел.

Глядя на приоткрытые губы Цзянь Сэня, он медленно опустил палец, легко коснулся его кожи подушечкой, прижал ее к собственным губам, а затем невесомо чмокнул Цзянь Сэня в губы.

— Сэнь-гэ, я вернулся.

Водитель прибыл быстро. Гу И поправил одежду Цзянь Сэня и, прижимая Зай-зая к груди, пересел на заднее сиденье.

Проснувшись, Цзянь Сэнь первым делом уперся взглядом в физиономию Гу И.

Я точно сплю. Не желая принимать суровую реальность, он зажмурился, снова открыл глаза — и все равно увидел лицо Гу И.

— Сэнь-гэ, мы приехали.

Гу И стоял снаружи, держа на руках Зай-зая. Увидев, что тот проснулся, он кивком указал на будку охраны за окном:

— Без кода доступа меня не пустят.

Цзянь Сэнь: «.....» Я точно сплю!

— Сэнь-гэ? — Заметив, что тот щурится и еще не до конца пришел в себя, Гу И не удержался и легонько ущипнул его за щеку, ласково произнеся: — Возьми Зай-зая, а я за рулем, проедем внутрь.

Цзянь Сэнь еще не до конца соображал, поэтому на автопилоте перехватил сына, так же автоматически приложил пропуск и позволил Гу И въехать на территорию.

Лишь у подъезда своей виллы он вернул себе привычную холодную отстраненность:

— Даже не жди, что я скажу спасибо за то, что подвез.

Гу И усмехнулся:

— Не пригласишь чаю?

Цзянь Сэнь огрызнулся:

— Губы раскатал, и пить я тебе ничего не дам.

Гу И: «.....»

Что делать, если твой муж такой гордый и колючий?

Гу И чувствовал себя совершенно беспомощным, словно видел перед собой бесконечную дорогу возвращения жены.

Фан Яо как раз закончила упаковывать вещи и, завидев их, рухнула на колеси:

— Хозяин, я правда не могу потерять эту работу, я буду аккуратнее, умоляю вас...

Она залилась слезами, и от этого шума проснулся задремавший на руках у Цзянь Сэня Зай-зай, захныкав хриплым голосом:

— У-э-э...

Гу И принялся успокаивать мальчика, переведя взгляд то на Фан Яо, то на Цзянь Сэнь. Заметив, что у того помрачнело лицо, он не удержался от вопроса:

— Что случилось?

— Няня не справляется со своими обязанностями... впрочем, это тебя не касается. — Цзянь Сэнь по привычке ответил, но тут же подумал: с какой стати он вообще перед ним оправдывается?

Поэтому он с каменным лицом отдал распоряжение:

— Тетушка Линь, проводи господина Гу.

Хотя Гу И и горел желанием поскорее воссоединиться, спешить он не собирался: заметив, что Цзянь Сэнь по-прежнему настроен к нему враждебно, он помахал Зай-заю рукой и послушно удалился.

Стоило Гу И уйти, как Цзянь Сэнь повернулся к Фан Яо:

— Вставай. Пойдем внутрь, там и поговорим.

<http://bllate.org/book/20421/2039818>